

Глава 12. Под одной крышей

На следующее утро Чоу Хуайшэн поднялся еще до рассвета. На горе Небесного Духа заведен строгий порядок: едва на пятой страже пропоет первый петух, даосы пробуждаются для утреннего служения. Лишь после него допускается вкусить скудный завтрак.

Ань Цзыянь спал на редкость безмятежно и даже не шелохнулся, когда его сосед поднялся на ноги. Перед уходом Хуайшэн подбросил в жаровню угля — утренняя прохлада на вершине была коварной, и он не хотел, чтобы пронизывающий горный воздух побеспокоил хрупкого юношу.

Когда Хуайшэн пришел в зал занятий, там еще никого не было, кроме его наставника — Истинного владыки Сюаньцина, который восседал во главе комнаты, погруженный в созерцание.

— Наставник, — Чоу Хуайшэн почтительно склонился в глубоком поклоне перед Истинным владыкой Сюаньцином.

Пройдя к своему месту, он устроился на циновке и раскрыл «Канон пути и благодати». Изучение этого трактата, великого Канона пути и благодати, было первым шагом для любого послушника, ступившего на стезю самосовершенствования. Впрочем, Хуайшэн постиг глубинный смысл этой книги еще в первый месяц своего пребывания на горе Небесного Духа.

Заметив это, Истинный владыка Сюаньцин удивленно приподнял седые брови и спросил:

— Разве ты не завершил чтение «Даодэцзина»? Насколько помню, сейчас тебе надлежит постигать основы «Таинственных врат, скрывающих Цзя».

Услышав вопрос учителя, Чоу Хуайшэн бережно закрыл книгу, вновь поднялся и поклонился:

— Все верно, почтенный наставник. Эту книгу ваш ученик читал, когда только прибыл на гору Небесного Духа. Но ныне я замечаю: чем больше новых знаний открывается мне, тем легче стирается из памяти то, что было пройдено в начале пути. Потому в эти дни я и пожелал вновь вчитаться в старые свитки, дабы освежить в памяти их мудрость.

Ответ ученика дышал скромностью и прилежанием, и Сюаньцин удовлетворенно кивнул.

Хуайшэн рассудил мудро. В начале пути человек не ведает ничего, но со временем пробелы заполняются знанием. И именно тогда, когда ему начинает казаться, будто он постиг все тайны мироздания, мимолетный взгляд назад открывает горькую истину: основы давно стерлись из памяти. В голове остаются лишь смутные очертания былой премудрости, тогда как тончайшие детали бесследно исчезают. Для идущего по Пути подобное забвение подобно гибели. Духовное восхождение требует строгого, неуклонного следования от простого к сложному; растерять крупницы начального знания — значит подрубить корни собственного

древа совершенствования.

— Прекрасно, что ты пришел к этой мысли, — промолвил Истинный владыка. — У меня есть для тебя поручение. Что скажешь?

Старец искренне радовался успехам этого послушника. Хуайшэн никогда не выказывал гордыни, оставаясь прилежным и терпеливым. За долгие годы Сюаньцин повидал немало учеников: иные хватали верхушки знаний и, едва овладев парой трюков, спешили покинуть обитель ради мирской славы. Наставник никогда не удерживал их силой, полагая, что у каждого своя предначертанная судьба. Он лишь сурово наказывал беглецам: случись беда, пусть даже не смеют упоминать имя своего учителя.

— Ваш ученик готов внимать воле наставника, — отозвался Хуайшэн.

В груди его затрепетало волнение: за все долгие годы, проведенные на горе Небесного Духа, учитель впервые доверял ему самостоятельное дело.

— Те два барьера, что пострадали, когда мы поднимались на гору... Даю тебе семь дней на то, чтобы полностью восстановить их плетение, — ровным голосом произнес Сюаньцин.

Подобное задание трудно было назвать пустяковым. Начертание действенного массива требовало не только глубоких познаний, но и незаурядной внутренней силы. До сих пор Хуайшэн постигал искусство создания и разрушения преград лишь по старинным трактатам, владея теорией на самом поверхностном уровне. К тому же, кем был Истинный владыка Сюаньцин? Великим мастером, сумевшим подчинить своей воле целую священную гору и превратить ее в личную обитель. Построения, которые он некогда воздвиг на склонах Горы Небесного Духа, требовали колоссальных трудов, безупречного сочетания воли Небес, свойств земной тверди и гармонии человеческого духа. Малейшее отклонение могло лишить барьер его силы. Более того, Сюаньцин соткал из них единый Цепной строй, где каждое звено неразрывно зависело от остальных. И пускай для простых смертных эти рубежи оставались непреодолимыми, искушенный недоброжелатель легко мог нащупать брешь в поврежденной цепи и обрушить всю защиту. В конце концов, над каждым небом есть другое небо, а за каждой горой высится гора еще более грозная — эту истину они усвоили прочно.

— Слушаюсь, наставник. Ваш ученик приложит все силы и не посрамит вашего имени.

Признаться честно, Хуайшэн робел перед столь сложной задачей, однако доверие учителя придавало ему твердости. Сюаньцин еще в самом начале разглядел в нем врожденный дар к постижению Дао. И это не было преувеличением: там, где другим требовались месяцы упорного труда, Хуайшэн улавливал суть вещей за считанные дни.

— И еще одно, — добавил Сюаньцин. — С сегодняшнего дня ты перебираешься в павильон Хранящий Облака и будешь жить вместе с Его Высочеством наследником. Твоя судьба указывает, что ты являешься для него Благодетелем тройной гармонии. Твое присутствие рядом укрепит его дух и ускорит исцеление.

«Благодетель тройной гармонии» — так называли того, кто своим существованием оберегал другого, подобно кровному родичу. Хуайшэн не ожидал, что наставник зайдет так далеко и просчитает даже их судьбы.

— Ученик повинуется, — смиренно ответил он.

Слово учителя для него было непреложным законом. К тому же, Хуайшэну было безразлично, где преклонить голову.

— Утренние занятия можешь пока не посещать. Возвращайся к ним через неделю, а сейчас направь все помыслы на восстановление барьеров.

— В таком случае, если у наставника нет иных повелений, ваш ученик просит дозволения удалиться, — Хуайшэн горел желанием поскорее вернуться к прерванному чтению «Таинственных врат, скрывающих Цзя», надеясь отыскать в древних строках разгадку к восстановлению заградительных массивов.

— Возьми этот свиток и внимательно изучи, — старец протянул ему сложенную бумагу. — Отныне забота о нуждах Его Высочества ложится на твои плечи. Если столкнешься с трудностями — спросишь меня. Недуг наследника запущен и пустил глубокие корни, так что исцеление потребует времени и терпения. В этом предписании указан лишь первый этап лечения. Когда придет срок, я подготовлю следующий рецепт.

Хуайшэн на мгновение растерялся. Он полагал, что Истинный владыка сам займется лечением Ань Цзыяня, и никак не ожидал, что эту задачу переложат на него. Мотивы наставника оставались скрыты, но Хуайшэн знал: у каждого решения старца есть веская причина.

Подойдя ближе, Хуайшэн почтительно принял бумагу из рук Сюаньцина и, не разворачивая, спрятал ее в широком рукаве одеяния.

— Ученик прощается с вами.

Дождавшись одобрительного кивка наставника, он поклонился и покинул покой.

Вернувшись в свою обитель, он застал Ань Цзыяня все еще спящим. Хуайшэн первым делом развернул наставление Истинного владыки. На бумаге убористым почерком были расписаны все тонкости ухода: от ежедневного меню до точных пропорций и времени варки целебных пилюль. Там же приводился полный список трав для лекарственных ванн, призванных очистить меридианы юноши.

Для Хуайшэна подобные хлопоты не представляли труда. Он не только умело управлялся у плиты, но и прекрасно смыслил в алхимии, так что приготовление целебных отваров было для него привычным делом.

Сверившись с рецептом, Хуайшэн отправился в Зал Лекарств за нужными кореньями и травами для утренней трапезы Цзыяня. Набрав необходимое, он принялся за готовку — терпеливо, шаг за шагом следуя указаниям учителя. Вскоре по кухне разлился тонкий, пряный аромат лечебной каши. Закончив с едой для наследника, он быстро состряпал простой завтрак для себя и понес чаши в покой. Ань Цзыянь к тому времени уже пробудился.

— Проснулся? Как раз вовремя, — ласково проговорил Хуайшэн, расставляя приборы на низком столике. — Умойся сперва, а потом сразу сядем за стол, пока все горячее.

— Не думал, что Брат Хуайшэн поднимется в такую рань, — с мягкой самоиронией отозвался Ань Цзыянь. — На его фоне я кажусь совсем ленивым.

На деревянной подставке уже стоял таз с чистой теплой водой и лежало мягкое полотенце. Рядом, на краю столика, Хуайшэн заботливо приготовил пасту из пории кокосовидной и размочаленную веточку ивы для чистки зубов.

Приведя себя в порядок, Цзыянь опустился на циновку напротив хозяина дома, и они приступили к скромной утренней трапезе.

— В павильоне Хранящем Облака все готово, — негромко произнес Хуайшэн, отставляя чашу. — Чуть позже мы переберемся туда вместе. Учитель поручил мне заботу о тебе, так что, если возникнут какие-то нужды или неудобства, не стесняйся говорить прямо. И помни: гора Небесного Духа лишь кажется мирной обителью. На деле же каждый склон здесь усеян скрытыми массивами и ловушками. Без крайней необходимости не пытайся покинуть стены монастыря.

— Я все понял. Благодарю за заботу, Брат Хуайшэн, — послушно кивнул Ань Цзыянь.

Ему уже довелось на собственной шкуре прочувствовать коварство местных заграждений, но он и представить не мог, что даже тихий храмовый комплекс опутан невидимыми сетями заклятий. Судя по предостережениям спутника, здешние барьеры таили в себе куда большую опасность, нежели лесные ловушки: они были сотканы столь искусно, что неподготовленный путник рисковал угодить в капкан на каждом шагу.

После завтрака они собрали свои нехитрые пожитки и направились к новому жилищу. Павильон Хранящий Облака не числился среди самых роскошных построек обители, однако его расположение и течение внутренних потоков энергии идеально соответствовали восьми иероглифам судьбы Ань Цзыяня. Именно поэтому накануне вечером Истинный владыка велел подготовить для них именно эти покои. В монастыре Сюаньцин расселял учеников в строгом соответствии с их личными гороскопами — такая гармония не только способствовала духовному росту послушников, но и позволяла храму собирать и удерживать благотворную ци. В этом и крылся один из секретов неиссякаемой духовной силы, коей дышала священная Гора Небесного Духа.

Оказавшись на месте, Чоу Хуайшэн усадил гостя отдыхать, а сам принялся разбирать вещи. Им

предстояло делить одну просторную спальню, разделенную лишь легкой бамбуковой занавесью. Такое устройство позволяло Хуайшэну в любой момент прийти на помощь захворавшему наследнику.

— Брат Хуайшэн, могу я взглянуть на эти книги? — спросил Ань Цзыянь, рассматривая стройные ряды свитков на бамбуковом стеллаже.

Там хранились в основном канонические трактаты даосских мудрецов. В бытность свою в поместье принца-регента юноше случалось проглядывать подобные свитки, однако те разрозненные знания оставались туманными и неполными. Теперь же, оказавшись в самом сердце даосской обители, он почувствовал искренний интерес к учению о Пути.

— Начни с «Книги Перемен», — мягко отозвался Хуайшэн. — Думаю, этот трактат увлечет тебя.

Будучи одной из жемчужин древней словесности, «Книги Перемен» оставалась доступной для понимания даже тем, кто лишь начинал свое приобщение к канонам, хотя Хуайшэн и не ведал, довелось ли Ань Цзыяню изучать ее прежде — ведь для отпрысков знатных семейств знание классических текстов было обязательным.

На самом деле Ань Цзыянь уже держал в руках этот трактат, однако в ту пору его разум скользнул лишь по поверхности туманных пророчеств, не сумев проникнуть в их истинную суть. Раз уж Брат Хуайшэн дал такой совет, стоило уделить книге больше времени, а все неясные места разобрать со своим названным хранителем позже.

В тишине павильона воцарился покой. Один неторопливо наводил порядок, раскладывая вещи, другой погрузился в созерцание гексаграмм «Книги Перемен». Никто не нарушал этого хрупкого безмолвия. Так павильон Хранящий Облака стал пристанищем, где их судьбы переплелись воедино.

Управившись с домашними делами, Чоу Хуайшэн достал недочитанный свиток «Таинственных врат, скрывающих Цзя» и погрузился в изучение схем. В комнате слышался лишь тихий, мерный шорох переворачиваемых страниц. Юноши, оба наделенные благородной, утонченной красотой, сидели притихнув, и этот безмолвный миг дышал редкой гармонией.